

Н. Долинина

Андрей Болконский и Пьер Безухов

Прошло полтора года с тех пор, как князь Андрей лежал под небом Аустерлица, и столько мыслей теснилось в его голове, и вдруг оказалось ненужным и мелким все, что накануне было значительно и составляло смысл жизни. Прошло полтора года — он, как и Пьер, прожил за это время целую жизнь, совсем иную, чем прежде.

Позади остался страшный день, когда он, оправившись после раны, приехал в Лысье Горы, вошел в комнату жены и сказал «слово, которое никогда не говорил ей»: «Душенька моя... Бог милостив...»

Он вернулся домой, к женщине, которую любил когда-то и готов был опять любить — уже иной любовью, не восторженной, юношеской, а любовью зрелого человека, многое передумавшего. Он хотел воспитывать сына и любить свою жену, а она умерла, и он остался один, потому что ни княжна Марья, ни даже отец не могли, оказывается, заменить эту наивную, веселую, может быть, глупенькую женщину, для которой он — князь Андрей — был главным человеком в жизни.

Теперь он был главным человеком только для мальчика, но мальчик не знал этого; кормилица и нянька были ему пока нужнее, чем отец.

Князь Андрей помнил тишину и успокоение, открывшиеся ему под небом Аустерлица. Он не хотел участвовать в новой войне с Наполеоном и, «чтобы отделаться от действительной службы, принял должность под начальством отца по сбору ополчения. Старый князь с сыном как бы переменились ролями после кампании 1805 года».

Наконец-то старый князь Болконский вернулся к деятельности! Он разъезжал по трем губерниям, шумел, действовал, был энергичен, быстр, даже жесток — он дело делал: собирал ополчение против Наполеона.

А князь Андрей не хочет помогать отцу. Раньше он мечтал о славе, о любви людской — эти мечты остались на поле Аустерлица. Но ведь старый князь собирает ополчение, не заботясь о своей славе, — ему важно отдать свои силы общему делу.

Князь Андрей не хочет ничему и никому отдавать свои силы. Ему все неинтересно, и бурная деятельность отца только раздражает его, так же как письмо Билибина о голоде в армии и о склоках между генералами. Стоя у детской кровати, он думает о сыне: «Это одно, что осталось мне теперь».

Но вот к нему приезжает Пьер.

«— Ну, что там? — послышался резкий неприятный голос.

— Гость, — ответил Антон.

— Проси подождать, — и послышался отодвинутый стул. Пьер быстрыми шагами подошел к двери и столкнулся лицом к лицу с выходящим к нему *нахмуренным и постаревшим князем Андреем...*

...Его поразила происшедшая перемена в князе Андрее. Слова были ласковы, улыбка была на губах и лице князя Андрея, но *взгляд был потухший, мертвый*, которому, несмотря на видимое желание, князь Андрей не мог придать радостного и веселого блеска».

Вместе с Пьером мы огорчаемся и не можем поверить, что этот мрачный, хмурый человек с потухшим взглядом — князь Андрей Болконский, что это с ним Пьеру «неловко и даже тяжело» говорить.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как мы расстались с Пьером, когда «в голове его свернулся тот главный винт, на котором держалась вся его жизнь», и он задавал себе вопросы, и не мог на них ответить. Теперь он заехал к князю Андрею, возвращаясь из

поездки по своим именам. Он полон жизни, надежд, стремлений, деятелен; ему кажется: он нашел то, ради чего стоит жить. Как это произошло?

Расставшись с женой и уехав из Москвы, Пьер встретил на станции в Торжке одного из крупнейших деятелей организации франкмасонов, выслушал его и поверил ему.

Что такое масонство и какова его роль в общественной жизни России? Многие декабристы прошли через масонские ложи (так называлась первичная организация масонов); во время южной ссылки вступил в масоны Пушкин. Вокруг масонов было создано вполне определенное общественное мнение: их считали нарушителями спокойствия, чуть ли не бунтовщиками. Слово «фармазон», ругательное в устах добродетельных помещиков, произошло от искаженного «франкмасон». Вы помните, как в «Горе от ума» графиня-бабушка спрашивает о Чацком: «Что? к фармазонам в клуб? Пошел он в пусурманы?» И об Онегине соседи судачат: «Он фармазон, он пьет одно стаканом красное вино...»

Зачем люди шли в масонские ложи? Каждый за своим. Позже мы увидим, как среди масонов окажется Борис Друбецкой, — уж этот не истины ищет, не разрешает вопросов о добре и зле. Многие так, как он, становились масонами, чтобы иметь среди своих «братьев» людей влиятельных и знатных, пользоваться их помощью в самых земных делах.

Но многих — в их числе и Пьера — привлекала та идея внутреннего очищения и самоусовершенствования, которую открыл Пьеру встреченный в Торжке масон Баздеев.

Сущность масонства заключалась в призыве к внутренней духовной работе над собой. «Очисти себя, и по мере очищения ты будешь познавать мудрость», — говорит Пьеру Баздеев. Расставшись с ним, Пьер почувствовал себя новым человеком. «В душе его не оставалось ни следа прежних сомнений. Он твердо верил в возможность братства людей, соединенных с целью поддерживать друг друга на пути добродетели, и таким представлялось ему масонство».

После разрыва с женой, после крушения всех своих прежних надежд Пьер так хотел найти новую истину, новый смысл жизни, что, конечно, должен был найти ее. И вот, переполненный мечтой о братстве людей, он отправился в свои поместья с целью облегчить положение крестьян, то есть принести пользу и добро другим людям, своим братьям. Он хочет отпустить крестьян на волю, но главноуправляющий его поместьями объясняет, что это невозможно, во всяком случае, сразу. Тогда Пьер выдвигает новые реформы: сокращение крестьянских работ, облегчение труда женщин с детьми, уничтожение телесных наказаний, учреждение больниц и школ... И, казалось бы, ему это удастся. Объезжая через некоторое время свои владения, Пьер видит благодарные депутации хорошо одетых крестьян, строящиеся больницы и школы; слышит благодарность женщин с грудными детьми, которых он избавил от тяжелых работ.

Вот из этой-то поездки, счастливый от сознания, что он приносит людям добро, Пьер является к князю Андрею. Он жаждет показать, что теперь он «совсем другой, лучший Пьер, чем тот, который был в Петербурге». Он оживлен, рассказывает, расспрашивает, мечтает открыть отчаявшемуся другу свой новый мир деятельной любви к людям: «Только теперь, когда я живу, по крайней мере стараюсь (из скромности поправился Пьер) жить для других, только теперь я понял все счастье жизни».

Князь Андрей слушает все это недоверчиво и хмуро. Он не только ничего не хочет рассказывать о себе, но, слушая Пьера, дает понять, что все это ему давно известно и неинтересно, «даже как будто стыдясь за то, что рассказывал Пьер».

Пьер провозглашает: нужно делать людям добро. Андрей отстаивает другое: нужно жить так, чтобы не делать никому зла. Слушая этот спор, мы, конечно, становимся на сторону Пьера, но скоро окажется, что на самом деле все сложнее, чем представлялось и ему, и нам.

При ближайшем рассмотрении полезная деятельность Пьера оказывается вовсе не такой уж полезной. «Пьер не знал, что там, где ему подносили хлеб-соль и строили придел Петра и Павла... придел уже строился давно богачами-мужиками села, а что девять десятых мужиков этого села были в величайшем разорении... Он не знал, что священник, встретивший его с крестом, отягощал мужиков своими поборами и что собранные к нему ученики со слезами были отдаваемы ему и за большие деньги были откупаемы родителями...»

Понимает ли все это князь Андрей? Вероятно — да. Он лучше знает людей, чем Пьер, он лучше знает хозяйство. Но главное не это. Пьер сейчас пришел к тому, о чем думал и мечтал князь Андрей перед Аустерлицем. «Я жил для славы. (Ведь что же слава? та же любовь к другим, желание сделать для них что-нибудь, желание их похвалы.) Так я жил для других и не почти, а совсем погубил свою жизнь», — говорит князь Андрей.

После Аустерлица, когда над ним стоял Наполеон, его герой, — человек, убежденный, что он осчастливил пол-Европы и, по крайней мере, Францию, — там князь Андрей понял, что все люди имеют свои мечты, стремления, надежды — и не может кто-то один решать за них, что им нужно. Он понял, что понятие добра можно понимать по-разному, и пришел к выводу: главное — не делать никому зла, тогда и добро расцветет само собой.

Кто прав: он или Пьер? Оба в чем-то правы и оба могут оказаться неправы. Но оба они напряженно и мучительно ищут своего места в жизни, хотят приносить людям пользу.

Казалось бы, князь Андрей, с раздражением слушавший Пьера, ничего не вынесет для себя из этого разговора. Но встреча произвела сильное впечатление, на обоих друзей. Для Пьера она стала источником сомнений в масонстве — через год или два он совсем отойдет от масонов. Князь Андрей, наоборот, вступит в ложу и вернется к деятельности. Как бы недоверчиво он ни слушал друга, «свидание с Пьером было для князя Андрея эпохой, с которой началась хотя во внешности и та же самая, но во внутреннем мире его новая жизнь».

Читая об этом свидании, я всегда думаю вот что. Как часто мы боимся оскорбить горе, в которое погружены наши друзья, боимся причинить им боль напоминанием о том, что жизнь продолжается, и оставляем близких людей погруженными в отчаяние. А Пьер не побоялся — и оказался прав, это он совершил тот толчок, без которого внутреннее возрождение князя Андрея было бы невозможно.

Может быть, старик Болконский и княжна Марья поняли это, ведь когда князь Андрей привез к ним Пьера, отец и сестра Андрея были очень ласковы с гостем, а после его отъезда говорили о нем только хорошее.

В своей «во внешности той же самой», но все-таки новой жизни, начавшейся после этой встречи, князь Андрей быстро и успешно сделал все то, что не удалось Пьеру. «Одно именье его в триста душ крестьян было перечислено в вольные хлебопашцы (это был один из первых примеров в России), в других барщина заменена оброком. В Богучарово была выписана на его счет ученая бабка для помощи родильницам, и священник за жалованье обучал детей крестьянских и дворовых грамоте».

Нетрудно объяснить, почему так сложилось: князь Андрей «имел в высшей степени ту недостававшую Пьеру практическую цепкость, которая... давала движение делу».

Но ведь не только Пьер и князь Андрей стремились облегчить положение своих крестьян; такова же была задача многих честных и умных помещиков; некоторые из них вошли потом в тайные общества, другие не вошли, но к реформам стремились. Пример Пьера и князя Андрея показывает, что крупные преобразования не могут быть осуществлены отдельными людьми в отдельных поместьях: у одного есть «практическая цепкость», у другого — нет, как бы ни было сильно его стремление делать добро. Чтобы на самом деле изменить положение крестьян, нужно было общее для всей страны решение крестьянского вопроса.

Может быть, князь Андрей понял это, когда решился уехать из своего имения в Петербург, войти в комиссию Сперанского, подготавливающую государственные реформы. Деятельность комиссии Сперанского тоже не удовлетворит его, и будет еще одно разочарование, и много, много еще впереди будет надежд, огорчений, падений, взлетов — и у князя Андрея, и у Пьера. Но одно они оба сохранят — постоянное стремление искать истину, добро и справедливость.